

МАЛЕНЬКИЙ «ОАЗИС» БОЛЬШОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ОТЕЛЯ

ОТ РЕДАКЦИИ: Для Бунина Чехов был не только близким другом, но и духовным спутником на протяжении почти всей жизни. Их связывала тесная дружба и теплая душевная привязанность. Бунин писал книгу воспоминаний о Чехове всю жизнь, но так и не закончил ее. Книга «О Чехове» была опубликована уже после смерти писателя его женой Верой Николаевной Буниной. Нам показался очень интересным материал, предоставленный Светланой Метелевой, писательницей и журналисткой, живущей на Лазурном побережье, о пребывании А.П. Чехова во Франции.

Материал публикуем в сокращении.

Отель «Оазис»

Прожить двадцать лет в Италии, быть на «ты» с туристическим бизнесом, говорить на итальянском, как на родном... И вдруг — поменять не только сферу интересов, но и страну: как писал Антон Павлович Чехов, «когда любишь — не нужно рассуждать во все». Александра Матрунич, хозяйка отеля «Оазис», охотно признает: да, это была любовь. Влюбилась с первого взгляда — в уютное, скрытое от глаз место, в «чеховско-ленинские» корни, во всю историю одного из первых отелей города.

— Чехов провел здесь не одну зиму?

— Целых три, — отвечает Александра Матрунич. — Больше того: именно здесь был закончен самый известный портрет писателя, который можно и сегодня увидеть в Третьяковской галерее. Третьяков заказал портрет Чехова художнику Иосифу Бразу, и в 1897 году, в Мелихове, Браз начал работу. Но то, что получалось, не нравилось ни Третьякову, ни самому Чехову. На зиму Антон Павлович уехал в Ниццу. И тогда Третьяков отправил Бразу вслед за своей «натурой», оплатив художнику не только проезд, но и проживание здесь, в «Оазисе». В марте 1898 года картина была дописана — и до сих пор считается лучшим прижизненным портретом Чехова.

Улица Гуно начинается у железнодорожного вокзала Ниццы и спускается в один из модных городских районов — квартал музыкантов. Здесь безраздельно царит архитектура «бель эпок»: цвет слоновой кости, округлые балконы, высокие окна — словно чуть

уменьшенная копия знаменитых «османских бульваров» Парижа.

Лишь в одном из прямоугольных внутренних двориков ожидает сюрприз: как будто сюда перенесли фрагмент Старого города — два изысканных небольших здания, выдержанные в традиционном итальянском стиле, тепло-охристые, с яркими ставнями и черепичными крышами, в окружении пальм, олеандров и пиний.

И — странное совпадение — именно эта жемчужина, отель «Оа-

зис», и внутри хранит атмосферу прошлого, дух ускользающего времени, тайну прекрасной эпохи.

Лазурный берег — настоящий кладезь историй, драматических сюжетов, мифов и скандалов. Многие здания Ниццы, Ментоны, Канн помнят своих титулованных гостей, высоких особ, знаменитостей. Однако ни один из отелей побережья не сравнится с «Оазисом» по числу постояльцев-писателей, гостей-художников, посетителей-поэтов. В течение несколь-

Открытие Франко-русского дома в Бер-лез-Альп. 2 июля 1992. Ренэ Герра, мэр города М.Лаванья, депутат Кристиан Эстроци, посол РФ во Франции Ю.Рыжов, Ален Герра

ких десятилетий девятнадцатого века отель «Оазис» был центром интеллектуальной и культурной жизни города. И даже сейчас кажется, что духи прошлого остались здесь навсегда: в угловом номере второго этажа дописывает пьесу «Три сестры» Чехов, за обеденным столом встречаются и беседуют вице-консул Юрасов и режиссер Немирович-Данченко, заказывает чашку чая профессор Ковалевская, провожает взглядом хозяйку отеля Салтыков-Щедрин, делает быстрые зарисовки художник Якоби.

И ничуть не странно было бы обнаружить тут, в одном из номеров, тщательно спрятанные страницы дневников и писем — того, исчезнувшего времени, чье дыхание как будто поселилось в «Оазисе» навсегда...

Глава первая НА ОКРАИНЕ, СРЕДИ САДОВ

Тысяча восемьсот шестидесятый год — особенный для Ниццы, для всего побережья, для Франции. Король Сардинии Виктор Эммануил II в вознаграждение за присоединение к его королевству Пармы, Тосканы, Модены и Романьи уступает Франции Савойю вместе с Ниццей. Город, где родился великий итальянец Гарибальди, внезапно оказывается французским; правда, видимость «народной воли» соблюдена — жители высказываются за присоединение к Франции, да и экономическая выгода очевидна. Ее первый показатель — туристический бум.

Именно этот период — десять лет от 1860 года до начала «бель эпок» знаменует рождение и развитие новой Ниццы: из небольшого, в основном сельскохозяйственного, сардинского местечка она становится одним из притягательных центров зимнего туризма, крупным городом с дорогими отелями, большим вокзалом, широкими бульварами, казино и ресторанами. Побережье привлекает аристократию, климат Ниццы объявлен целебным, идет активное строительство и благоустройство. О том, какими темпами развивался город, лучше всего говорит количество отелей: если в 1862 году их всего лишь 35, то уже к 1900-му году — 130.

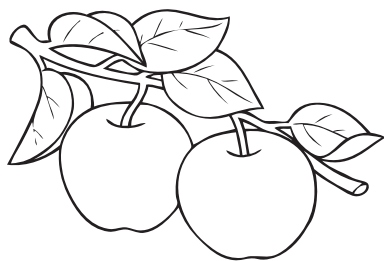
В том самом историческом 1860-м и строится отель «Оазис». Он с самого начала — вне моды на «роскошное и большое». Таковы «Вест-Энд», «Бориваж» и «Вестминстер», предназначенные для английской и русской аристократии и крупных промышленников: они вырастают на Английской набережной, слепят глаза позолотой и мрамором и отпугивают ценами.

Иное дело — «Оазис». Даже выбор места кажется странным — что за фантазия строить отель так далеко от центра? Однако первая владелица «Оазиса», Наталья Данилова, похоже, знала, что делает. Уже через несколько лет в том районе начнется строительство железнодорожного вокзала, а значит, отель будет пользоваться спросом...

В октябре 1864 года акционерное общество «Компания железных дорог Парижа, Лиона и Средиземноморья»

(Compagnie des chemins de fer de Paris à Lyon et à la Méditerranée (PLM) торжественно открывает вокзал в Ницце. Здание расположено за городом, «на фоне природы», как пишут тогдашние газеты. Отмечают также, что архитектура вокзала выдержана в стиле Людовика XIII, «вдохновлена общественными зданиями города Парижа», что должно «символизировать привязанность Ниццы к имперской столице».

Однако рядом с восторженными репортажами о новых поездах между Марселем и Ниццей, в местных газетах моментально появляются и... возмущенные письма. Нисуазцы сетуют на чрезмерную удаленность вокзала — он «где-то на окраинах», путешественники тоже недовольны: добраться до центра с чемоданами через «узкие улочки и все эти разросшиеся сады» — задача непростая. Зато русская хозяйка «Оазиса» — в безусловном выигрыше: отель процветает, гостей с каждым годом все больше, и вскоре «Pension russe» становится точкой притяжения для именитых соотечественников. Первый в этом списке — бывший рязанский и тверской вице-губернатор, известный писатель, желчный сатирик Михаил Салтыков, пишущий под псевдонимом Николай Щедрин.

Глава вторая «О, ЭТОТ ЮГ, О, ЭТА НИЦЦА!..»

В конце XIX столетия слово «пансион» звучит почти одинаково на всех европейских языках и понятно без перевода. Эта разновидность отеля считается более престижной и, разумеется, более уютной и домашней, чем дешевые меблированные комнаты. В то же время пансион — это, как правило, недорого. Постояльцы — так называемый «средний класс», буржуа и интеллигенция: профессура, представители богемы, чиновники и предприниматели средней руки. Этот вид услуг запечатлен и в большой литературе: так, самый известный постоялец пансиона — частный сыщик Шерлок Холмс; вместе с доктором Ватсоном они снимают комнаты у хозяйки — миссис Хадсон. Принцип пансиона — предоставить не только жилье и питание, но и прочие необходимые услуги: стирку, глажку, уборку. Чаще всего, содержат пансион вдовы, иногда это семейный бизнес. Квартиранты остаются в пансионе на день, на неделю, на несколько месяцев, бывает и так, что комнату арендуют на год и даже больше. К середине 1860-х годов «Оазис» хорошо известен среди отдыхающей публики, он славится не только уютом и чистотой, но и кухней; отель гораздо чаще теперь называют «Pension russe», что неудивительно — и хозяйка, и большинство постояльцев говорят по-русски, кухня тоже преимущественно русская.

Поэт Федор Тютчев в Ниццу приезжает осенью 1864 года: всего

Портрет А.П. Чехова. Художник И.Э. Браз

несколько месяцев назад, в августе, он похоронил возлюбленную — Елену Денисьеву. Роковая страсть всей его жизни, женщина, самоотверженно любившая его, несмотря на разницу в возрасте и презрение света из-за романа с женатым мужчиной — Денисьева умерла после третьих родов. Здесь, в Ницце, поэт думает найти утешение, забыть о терзавшем его горе. Несколько раз приходит он в «Оазис» — и ради того, чтобы увидеться с соотечественниками, и потому что все так хвалят повара. Хозяйка отеля Наталья Данилова, разумеется, знает о трагедии в жизни поэта. Она пытается разговорить Тютчева, отвлечь — но напрасно. В один из вечеров поэт неожиданно уходит посреди общего разговора. Его провожают сочувственные и недоуменные взгляды постояльцев. Возможно ли, что в тот самый вечер и появится самое пронзительное из всех стихотворений, посвященных Ницце?

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может.
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

...Бывший вице-губернатор Твери и Рязани Михаил Салтыков приезжает в Ниццу осенью 1875 года; его мучает ревматизм, он надеется, что на юге станет легче. Салтыков хорошо известен русским читателям — он

пишет под псевдонимом «Николай Щедрин», его «Губернские очерки» и «История одного города» расходятся на цитаты; едкий сатирический дар вызывает восхищение современников, его произведения называют «обличительной литературой» — и действительно, никто не в состоянии так безжалостно высмеять взяточничество, злоупотребления и чиновничье лицемерие, как Салтыков-Щедрин. Поначалу Ницца ему не нравится — «город нечистоплотный, гулять негде», а чтобы посмотреть «культурную публику», надо ехать в Монте-Карло.

Из письма М.Е. Салтыкова-Щедрина Е.И. Якушкину, 31 января 1876, Ницца:

«Пресловутые апельсиновые сады не что иное, как огороды, которые <e> поливают разжиженным человеческим калом, отчего по всему городу воняет поносом. Французская цивилизация борется с итальянской: днем дерьмо чистят, а за ночь опять все тротуары усеяны кренделями».

Сначала Щедрин живет в дорогом и «холодном» отеле «Виндзор», но вскоре переезжает в «Оазис». Кстати, рекомендует ему этот отель Евгений Пеликан — вице-директор медицинского департамента Министерства внутренних дел Российской империи. Пеликан тоже не раз бывал в «Оазисе», сохранил о нем самые лучшие воспоминания — и уже спустя несколько дней в Ницце Салтыков-Щедрин переезжает в «Русский пансион». О своих впечатлениях пишет другу — литературному критику Павлу Анненкову.

Из письма М.Е. Салтыкова-Щедрина П.В. Анненкову, 30 октября 1875 года, Ницца:

«Поселился я здесь довольно удобно, хотя и в захолустье. Нашел здесь Тамбовскую губернию в перво-бытном виде. Хозяйка у нас русская, г-жа Данилова, которая, по преданию, называет служанок “девками”. Это очень мне понравилось. Я не знаю истории этой женщины, она не рассказывает, но что-то, должно быть, скрывается в ее прошлом. За пансион я плачу 50 фр<анков> в сутки и имею очень порядочный домашний обед. По временам хозяйка украдкой ездит в Монтекарло и проигрывается там. Очень может быть, что в какой-нибудь прекрасный день она и совсем пропадет. Не слыхали ли Вы чего-нибудь об этой женщине, живя в Ницце?».

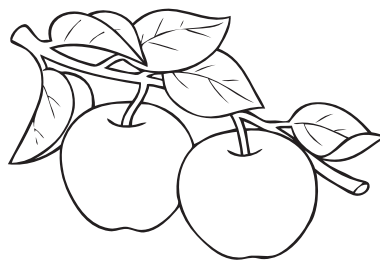
Именитого сатирика мучает ревматизм, и лечат его сначала русский доктор Реберг, а после — русский доктор Чернышев. Соотечественников в Ницце столько, что общаться с французами писателю почти и не приходится, даже бытовые зарисовки Щедрина из Ниццы — о русском обществе и русской специфике.

Из письма М.Е. Салтыкова-Щедрина А.Н. Еракову, 21 декабря 1875, Ницца:

«На днях я здесь слышал на улице: ах, кляп те в рот, хоть караул кричи! Это один из соотечественников, не знающий ни слова по-французски, ругался. Извозчик с час его кружил, а он ничего ему, кроме:

иси! — сказать не может. И с таким-то суконным языком ездит по городу, квартиры ищет».

Почитатели писательского таланта Салтыкова-Щедрина обнаруживаются и здесь: несколько раз хозяйку просят «познакомить со знаменитым Щедриным», но всякий раз он категорически отказывает. Наталья Данилова пробует его уговаривать, рассказывает, как весело можно проводить время в Ницце — но самого писателя ее описания только злят, в письмах появляются язвительные оценки: «Темперамент этого департамента совершенно <...>; сюда стекаются все разбогатевшие жулики и хвастают бриллиантами»; «перед глазами моими происходит вечный храмовый праздник, глупый, напоминающий нелепую оргию». Соотечественники ничуть не лучше: «Я задался мыслью изобразить жизнь русских культурных людей за границей, — пишет он своему приятелю, русскому поэту Николаю Некрасову. — Но вот беда: идеи в этой жизни нет никакой, одно бесцельное шатание с клеймом культурности на челе или скорее на заднице».

Глава третья
«МОЙ АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ:
FRANCE, NICE, PENSION RUSSE»

К концу XIX столетия «Оазис» процветает. Новую хозяйку зовут Вера Кругополева, и она достойно продолжает традиции своей предшественницы. Об «Оазисе» говорят как об островке русской культуры на Лазурном берегу. Адрес отеля русские постояльцы передают знакомым, рекомендуют друзьям, собирающимся в Ниццу, ручаются за уют и отличную кухню. Именно по такой рекомендации сюда приезжает один из хорошо известных в Европе русских писателей — Антон Чехов. Он уже бывал в Ницце, останавливался в дорогом прибрежном «Beau Rivage». Но сейчас он здесь надолго: чахотка прогрессирует, доктора прописали морской воздух. Кстати, вплоть до Первой мировой войны Лазурный берег считался одним из центров лечения туберкулеза. И вот, один из его знакомых — Николай Лейкин, издатель петербургского юмористического еженедельника «Осколки» — посоветовал Чехову «Русский пансион». Чехов приезжает в «Оазис» вместе с Василием Соболевским, редактором и издателем газеты «Русские ведомости». Отсюда писатель отправляет сестре сообщение: «Мой новый адрес для писем: France, Nice, Pension Russe».

Русские печатные издания того времени пристально следят за «европейскими каникулами» соотечественников. К тому же — у Ниццы длинный шлейф «русской истории», там то и дело появляются самые высоко-

поставленные лица — сегодня мы бы назвали их «селебрити». Не остается незамеченным и чеховский вояж.

Из «Петербургской газеты»
от 21 октября 1897 года:

«В Ниццу уже наехало порядочно русских. Между прочим <...> известный писатель Ант. Павл. Чехов, здоровье которого значительно улучшилось».

Имя писателя появляется и во французских СМИ.

Из газеты «Messenger Franco-Russe»
от 24 ноября 1897 года:

«Молодой и знаменитый русский романист Антон Павлович Чехов некоторое время является нашим гостем. От имени многочисленных почитателей, которых этот блестящий писатель уже имеет во Франции, мы желаем ему приятного пребывания у нас».

Пребывание Чехова в Ницце, судя по его письмам, действительно, было приятным, и немалую роль сыграл здесь «Русский пансион».

«Этот пансион содержит русская дама, кухарка у нее русская, и щи вчера подавали русские, зеленые», — сообщает он сестре в конце сентября. А чуть позже — другу и критику Алексею Суворину — опишет место своего пребывания более подробно.

Из письма А.П. Чехова
критику А.С. Суворину,
1 октября 1897 года:

«В Ницце я живу в русском пансионе. Комната довольно простор-

ная, с окнами на юг, с ковром во весь пол, с ложем, как у Клеопатры, с уборной; обильные завтраки и обеды, приготовляемые русской поварихой (борщ и пироги), такие же обильные, как в *hôtel Vendôme*, и такие же вкусные. Плачу по 11 фр. в день».

Правда, с 11 франками вышла странная история: спустя несколько дней Антон Павлович вдруг выяснил, что одиннадцать франков Вере Круголевой платит почему-то только он. С остальных она берет только девять. Писатель переговорил с хозяйкой — она снизила ему плату на франк.

Осенью 1897 года в пансионе собирается избранная публика: здесь живет художник Валерий Якоби, мастер исторического жанра, один из организаторов Товарищества передвижных художественных выставок (позже членов товарищества станут называть «передвижниками»); профессор Киевского университета Алексей Коротнев, известнейший зоолог, устроитель «Вилла-Франкской зоологической станции» в городке Вильфранш-сюр-мер; русский актер Александр Южин, в свете он — князь Сумбатов; профессор социологии Максим Ковалевский, уволенный из Московского университета в связи с «неблагонадежностью». Чехов близко сходится со всеми, дает каждому меткие характеристики: так, Якоби — «желчный человек, у которого все — мерзавцы, идиоты, мошенники и сукины сыны», а Максим Ковалевский — «высокий, толстый, живой, добродушнейший человек. Он много ест, много шутит и очень много работает — и с ним легко и весело». Прия-

тели с удовольствием проводят время в «Оазисе»: у Ковалевского собственная вилла в Болье-сюр-мер, но обедать он приезжает в «Русский пансион». «Чехов показался мне малоразговорчивым и мрачным, — пишет Ковалевский. — Лед между нами не сразу растаял. Но на расстоянии нескольких недель мы сделались уже приятелями. Я не раз приезжал пообедать с ним в пансионе в обществе жившего там же известного зоолога Коротнева. Оба они также нередко приезжали ко мне или вместе со мною предпринимали поездки по окрестностям».

В середине октября Ковалевский уехал в Париж, зато в пансионе появился Василий Иванович Немирович-Данченко, известный в то время писатель, журналист и путешественник. Увлеченный игрой в рулетку, он большую часть времени проводит за игорными столами Монте-Карло, часто зазывает с собой и Чехова. Однако после нескольких таких поездок, проиграв около тысячи франков, Чехов решает, что более над ним демон азарта не властен.

Дружба завязывается у писателя с русским вице-консулом Николаем Юрасовым, о нем Чехов пишет: «Превосходный человек, доброты образцовой и энергии неутомимой». Юрасов нередко зазывает Чехова к себе «на пироги», но чаще они встречаются там же: под гостеприимной сенью «Оазиса». Одна из сохранившихся фотокарточек того периода: Чехов и Юрасов около «Русского пансиона».

Европа вообще и Французская Ривьера в частности вызывают у писа-

теля пристальный интерес, он отмечает, что не во всем Франция опережает Россию: так, конфеты здесь, по его словам, не идут ни в какое сравнение с настоящими русскими конфетами; спички тоже хуже качеством.

**Из письма А.П. Чехова
брату Ивану Чехову,
2 октября 1897 года:**

«Жизнь здесь дешевая. Так, большая порция бифштекса или рособива стоит, на наши деньги считая, 37 коп., большой сифон зельтерской воды 10 коп., чашка кофе 10 коп., новые брюки около 3 руб.; на чай дают лакеям от 1–2 до 5 коп. Одним словом, человек среднего достатка может прожить здесь месяц за сто рублей роскошно».

В ноябре начинается высокий сезон, в Ниццу съезжается аристократия, на улицах играет музыка. Чехов — в отличие от Салтыкова-Щедрина — вовсе не чужд увеселениям, он много гуляет, бывает и на вечерах. Общее ощущение культуры завораживает писателя. В письме Александре Сувориной он замечает: «Культура прет здесь из каждого магазинного окошка, из каждого лукошка; от каждой собаки пахнет цивилизацией».

Правда, здоровье все не поправляется: по-прежнему мучают кашель и кровохарканье, да и вес набрать не получается, несмотря на вкусный и обильный стол «Оазиса». Незадолго до карнавала он взвесился на улице — всего 72 килограмма, и это при росте метр восемьдесят четыре! Приближается Рождество — и приятели Чехова

уезжают, кто в Россию, кто в европейские столицы. Но долго скучать ему не придется: к Новому году в «Оазисе» появляется художница Александра Хотяинцева — еще в России между ними завязалось подобие романа, и Чехов явно настроен на его продолжение.

Александре Хотяинцевой тридцать два года, она выпускница Строгановского училища, подруга сестры Чехова Марии, внучка декабриста. С Чеховым они познакомились в имении писателя — Мелихове. Именно там Антон Павлович прозвал ее «великая художница земли русской». Хотяинцевой писатель тоже пришлось по душе, завязалась переписка. В одном из писем она рассказала о своем желании поехать в Париж — «постажироваться» — а после заглянуть на Новый год в Ниццу.

Едва появившись в отеле, Хотяинцева буквально скандализирует общество, нарушая «золотое правило настоящей леди»: ни в коем случае не оставаться с мужчиной наедине. «В промежутке прогулок завтракаем за табльдотом, — пишет она подруге, Марии Чеховой. — Дамы все идолищи, в особенности одна баронесса, похожая на рыбу. Я, по-видимому, буду их шокировать моим поведением и отсутствием туалетов. Здесь ведь считается неприличным пойти в комнату к мужчине, а я все время сидела у А.П. Комната у него славная, угловая, два больших окна (здесь везде окна до полу), на кровати и окнах белые занавеси».

По утрам по соседству слышны петухи, а то и крики осла. Чуть позже

Отель «Оазис»

к отелю приходили уличные певцы и певицы — в расчете на щедрые «чайные» русских постояльцев. Антон Павлович давал денег всем, даже шарманщику, правда, умоляя его немедленно прекратить свою музыку.

Художница и писатель почти все время вместе; довольно скоро появляется определенный «распорядок дня»: после завтрака — прогулка по Английской набережной, после обеда — несколько часов работы, каждый — в своей комнате. Антон Павло-

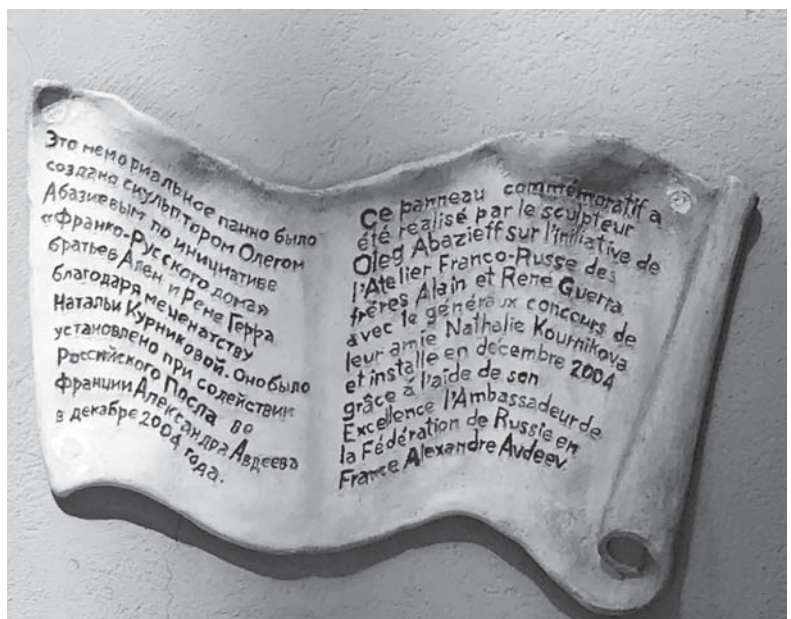
вич пишет рассказы («Печенеги», «На подводе» и другие), Александра Хотяинцева рисует. После — снова вместе, обсуждают французские новости — в первую очередь, разумеется, громкое «дело Дрейфуса», офицера, обвиненного в шпионаже. Еще одна вечная тема шуток и разговоров — прочие постояльцы «Оазиса», они придумывают им смешные прозвища, а то и целые истории. В письмах Хотяинцевой сохранились уникальные описания пансионеров тех лет.

**Из письма А.А. Хотяинцевой,
январь 1898 года:**

«Публика в пансионе была в общем малоинтересная. За табльдотом рядом с Чеховым сидела пожилая сердитая дама, вдова известного педагога Константина Дмитриевича Ушинского. Про нее Антон Павлович говорил: “Заметили вы, как она особенно сердится, когда мне подают блюдо и я накладываю себе на тарелку? Ей всегда кажется, что я беру именно ее кусок”».

Толстую купчиху из Москвы писатель прозвал «Трущоба» — аналогия, кажется, была понятна только ему одному. Она целыми днями сидела одна в саду, никуда не выходила. Александре Хотяинцевой вскоре удалось узнать: несчастную женщину, не знавшую ни одного иностранного языка, в Ниццу привезли знакомые, да и оставили здесь. Она очень скучала, мечтала вернуться домой, а выходить попросту боялась — еще больше боялась ехать в Россию одна.

Были мать и дочь Дершау, прозванные «баронессами»; по описаниям Хотяинцевой, «худые, высокие, с длинными носами, модно, но безвкусно одетые». Дочь художница прозвала «рыба хвостом кверху» — из-за высокой прически, украшенной большим гребнем, похожим на рыбий хвост. Александра Хотяинцева сделала их персонажами своих карикатур: «В моих карикатурах начался “роман”, — писала она подруге, — Чехов ухаживает за “рыбой”. Старая баронесса препятствует — он беден; она заметила, что в рулетку он всегда проигрывает». Карикатуры сохрани-

Барельеф Олега Абазиева
на стене отеля «Оазис»

лись, на одной из них вполне узнаваем Чехов: в вагоне поезда он возвращается из Монте-Карло — при нем мешок с золотом, в руках страшное оружие — штопор, напротив сидят «баронессы», то ли напуганные, то ли восхищенные.

Интересно, что самому Чехову карикатуры нравились: в письме Суворину он сообщал, что рисунки «довольно удачны». Хотяинцева назвала этот цикл «чехиадой»: все карикатуры объединены образом Чехова. Вот он пристально вглядывается в обеденное меню пансиона; вот читает газету около моря; вот — все обитатели «Оазиса» вместе. Самая известная из карикатур Хотяинцевой — «По дороге из Монте-Карло»: здесь изображен не только Чехов, худой и забившийся в уголок кареты, но и его большой — во всех смыслах — друг Максим Ковалевский, и между ними — сама художница.

Рассчитывала ли она на то, что писатель сделает ей предложение? Вряд ли, ведь Чехов никогда не скрывал своего отвращения к брачным узам. Уже к середине января Хотяинцева уезжает, предварительно сообщив в письме Марии Чеховой: «Мне жаль уезжать, но все-таки завтрадвигаюсь. Ант. П. постепенно познакомился со всеми дамами и ухаживать собирается по очереди».

Сам Чехов в письме Ковалевскому не только откровенен, но, пожалуй, даже циничен.

**Из письма А.П. Чехова
М.М. Ковалевскому,
29 января 1898 года:**

«Вы спрашивали у Н.И. Юрасова, правда ли, что я женюсь. Увы, я не

способен на такое сложное, запутанное дело, как женитьба. И роль мужа меня пугает, в ней есть что-то суровое, как в роли полководца. По лениности своей, я предпочитаю более легкое амплу».

Это «легкое амплу» Чехова хорошо известно всем, кто его знает; в эти же дни он пишет Суворину: «Я ничего не делаю, только сплю, ем и приношу жертвы богине любви. Теперешняя моя француженка очень милое доброе создание, 22 лет, сложена удивительно, но все это мне уже немножко прискучило и хочется домой». И вот парадокс: именно Чехов создаст одно из самых пронзительных произведений мировой литературы о том, как обычный «курортный роман» превращается в большую страсть, в любовь, которая меняет мужчину и женщину. Завязка его знаменитого рассказа «Дама с собачкой» сначала должна была случиться в Ницце, но позже Чехов меняет место действия на Ялту — чтобы ни у кого из знакомых не было соблазна связать сюжет с именем художницы Александры Хотяинцевой.

Здесь же, в «Оазисе», Антон Павлович встретил и еще один из будущих прототипов. В начале января — еще до отъезда Хотяинцевой — он получил странное письмо. Некая Ольга Васильева из Канн просила его о встрече. И хотя художница как могла высмеивала склонность Чехова непременно отвечать всякой поклоннице, писатель согласился встретиться с незнакомкой. По-видимому, он ожидал увидеть роковую красавицу, — во всяком случае, так считала Александра

Хотяинцева — но если так, то ожидания его были обмануты. На встречу явилась неуклюжая и не слишком красивая девочка-подросток с фотоаппаратом. Вот как описала ее художница: «маленькая, толстенькая, щеки малиновые». Ольга Васильева читала «все-го Чехова». Ее мечта — перевести рассказы писателя на английский. И еще, если это возможно, то сделать несколько снимков Антона Павловича. Чехов соглашается, она фотографирует писателя около отеля и на улице. Несколько снимков она пришлет Чехову — и он скажет «я вышел так мрачен и темен».

Ольга действительно начинает работу над переводом. Но большую часть жизни она провела за границей, и ей непонятно значение многих слов. То и дело она обращается к Чехову «за разъяснениями»: надо непременно выяснить, что такое «подвода», или «вобла», или же «латаный». Писатель отвечает ей, внимательно присматриваясь к пятнадцатилетней поклоннице. Переписка их продолжится и после возвращения Чехова в Россию.

Из письма О. Васильевой

А.П. Чехову, Ницца,

15 июля 1898 года:

«С тех пор, как я побывала у Вас в Ницце, в моей душе нашлось что-то лучшее, чего прежде в ней не было; каждое слово, сказанное Вами, должно быть, навсегда останется в моей памяти. <...> Лучше того времени, которое я провела у вас, светлее его, никогда не будет в моей жизни».

Исследователи творчества Чехова считают, что именно Ольга Василье-

ва стала прототипом Ани Раневской из «Вишневого сада», той самой, что мечтает о «новом, чудесном мире». Даже сама история продажи имения взята из биографии Васильевой: это она продавала сад и дом под Одессой, чтобы построить туберкулезный санаторий, но из-за бюрократических препон мечта ее так и осталась неосуществленной.

Начало февраля — в Ницце карнавал. «По улицам толпами ходят маски и рожи, на громадных колесах оркестры музыки. Толкотня, трудно пройти», — пишет Чехов сестре. А у него — новое дело, и снова связанное с живописью. Теперь к нему собирается художник Иосиф Браз. По просьбе мецената Третьякова Браз уже начинал писать портрет Чехова, однако результат никому из них не понравился. И вот Браз предлагает повторить попытку — летом в Петербурге. Чехов, которому совершенно необходимо чем-то занять свое время, уговаривает художника приехать в Ниццу, соблазняет, по его собственным словам, «аки Змий Еву», красотой Французской Ривьеры. Третьяков соглашается финансировать это путешествие Браз к Чехову, оплачивает не только дорожные расходы, но и выдает авторские 450 рублей за портрет — и 14 марта Иосиф Браз приезжает в «Оазис».

Из письма А.П. Чехова

А.А. Хотяинцевой,

23 марта 1898 года, Ницца:

«Меня пишет Браз. Мастерская. Сажу в кресле с зеленой бархатной спинкой. En face. Белый галстук. Говорят, что я и галстук очень похожи.

Но выражение, как в прошлом году, такое, точно я нанюхался хрену».

Этот портрет Чехова украшает Третьяковскую галерею. Хотя сам писатель все же остался от него не в восторге. «Портрет мне не кажется интересным, — пишет он в письме Марии Чеховой. — Что-то есть в нем не мое и нет чего-то моего». Интересный нюанс: близкий друг Чехова художник Исаак Левитан, напротив, считал портрет необыкновенно удачным. Осталось и еще одно свидетельство — шарж все той же Александры Хотяинцевой: она изобразила Чехова задумчиво и недовольно разглядывающим свой портрет в галерее.

Весной в «Русском пансионе» случился массовый наезд «игроков»: сюда приехали страстные поклонники рулетки и карт. Первым прибыл князь Сумбатов (актер Южин) и Игнатий Потапенко, писатель-прозаик, близкий друг Чехова. Сегодня, к слову сказать, эту фамилию знают разве что литературоведы, да и то не все — а в 1890-х Игнатий Потапенко считался едва ли не «главным русским писателем»: он был популярнее Льва Толстого и заслуженно признавался самым плодовитым из всей писательской среды. Критики нередко сравнивали «унылые» произведения Чехова с оптимистичными — Потапенко, всегда в пользу последнего. Между Чеховым и Потапенко существовало еще кое-что общее: Лика Мизинова, певица, актриса, долгое время влюбленная в Чехова, так и не получившая от него долгожданного предложения руки и сердца. В 1894 году знаменитый пи-

сатель и не менее знаменитый дамский угодник Потапенко познакомился с Мизиновой, у них завязался роман, и Потапенко вместе с Ликой уехал за границу. Казалось бы — время пожелать счастья молодым, но дело в том, что Потапенко... был женат. Довольно скоро он вернулся к жене, оставив беременную Мизинову одну за границей. Чехов, возмущенный поведением Потапенко, обозвал его свиньей, а после вывел в пьесе «Чайка» в довольно неприглядном образе Тригорина. Однако Потапенко на приятеля не обиделся, более того — сделал все, чтобы помочь поставить «Чайку» в Александринском театре.

В Ниццу Игнатий Потапенко приехал подобно герою Достоевского — с «системой», которая должна была обеспечить ему гарантированный выигрыш в игорных залах Монте-Карло.

***Из письма А.П. Чехова
М.П. Чеховой,***

4 марта 1898 год, Ницца:

«Южин приехал, чтобы выиграть в рулетку несколько сот тысяч на постройку театра; Потапенко приехал, чтобы выиграть миллион. Южин одет с иголки, у Потапенки же взлохмаченный вид. Играют каждый день, и пока до миллиона еще далеко, очень далеко. Южин проиграл уже 7 тысяч (это секрет, никому не говори в Москве), а Потапенко выиграл только 50 фр. Очень забавно смотреть, когда они играют».

Но спустя всего несколько дней и сам Чехов вновь уступает демону азарта. Целые дни он проводит в кази-

но, вечерами вместе с Южиным и Потапенко они обсуждают «систему» и «верную стратегию» выигрышей. О тех днях остались подробные воспоминания Игнатия Потапенко, которые помогают увидеть Антона Павловича Чехова с совершенно неожиданной стороны.

Глава пятая **КОНЕЦ «РУССКОГО** **ПАНСИОНА» И НОВАЯ** **ЖИЗНЬ «ОАЗИСА»**

К началу двадцатого века за «Оазисом» прочно закрепился имидж «центра русской культуры». В 1901 году сюда снова приезжает Чехов. Постояльцы и в особенности постоялицы, как и два года назад, ему не нравятся: «злота и сплетни, черт бы их подрал совсем», — жалуется писатель на дамское общество «Оазиса». Но сам отель его не разочаровал: удобство и обслуживание выше всяких похвал.

Из письма А.П. Чехова, ***январь 1901 года, Ницца:***

«...У меня такое чувство, точно я на луну попал. Тепло, солнце светит вовсю, окна в моей комнате настежь; и душа, кажется, тоже настежь. У меня здесь две комнаты: одна большая, другая — поменьше. Постель такая, что когда ложишься в нее, то всякий раз непременно улыбаешься; удивительно мягко и широко. Настроение совсем летнее, точно помолодел лет на десять...»

Он снова ездит в Монте-Карло и Ментону, дописывает пьесу «Три

сестры», отправляет третий и четвертый акты в Художественный театр. В январе происходит забавное недоразумение: Чехов пишет письма Ольге Книппер — и не получает ответов. Нервничает, раздражается, пишет снова, упрекает ее. И только спустя несколько дней выяснилось: письма по ошибке приносили другому русскому постояльцу отеля — Черткову.

...Был в отеле и еще один знаменитый гость — Владимир Ленин. Он останавливался здесь в 1911 году. И — как ни странно это прозвучит — во многом из-за него закончилась блестящая эпоха «Русского пансиона». После Октябрьского переворота в России некому стало приезжать на Лазурный берег, теперь Франция наполнилась не легкомысленными отдыхающими и знаменитостями, а нищими эмигрантами; бывшие аристократы искали работу шоферами или швейцарами. Не потому ли и хозяйка «Оазиса» решила продать отель? У бывшего «Русского пансиона» появился новый хозяин, потом отель вновь продавали и покупали... Истории о знаменитых постояльцах канули в прошлое, «Оазис» превратился в обычный «bed and breakfast».

О Чехове вспомнили в год его юбилея — 2004-м. Создатели и руководители «Франко-русского дома» братья Рене и Ален Герра предложили увековечить память великого писателя. Тогдашние владельцы «Оазиса» — представители шотландской туристической компании — согласились, не раздумывая. Барельеф заказали скульптору Олегу Абазиеву,

профессору Московского архитектурного института. Его в Ницце хорошо знали: именно он создал для отеля «Негреско» бронзовые бюсты императора Александра III и его жены, императрицы Марии Федоровны. Олег Абазиев отправил эскизы в Эдинбург, владельцы отеля попросили выполнить барельеф не в бронзе, а в монокромной керамике.

Для этого художнику пришлось арендовать цех Гжельского завода. Там был вылеплен и обожжен в специальной керамической печи настенный барельеф. В марте 2005 года в Ницце в присутствии депутата Национального собрания и президента Генерального совета Приморских Альп Кристиана Эстрози барельеф был торжественно открыт. Каждый год к этому подъезду приводят туристов — чтобы все, кто понимает и любит большую литературу, могли своими глазами увидеть здание, осененное присутствием великого писателя.

В том же году рядом с отелем появился и небольшой по размерам памятник: художник и скульптор Григорий Потоцкий создал скульптуру Чехова с чайкой на плече и «маленьким человеком» рядом.

Казалось, что судьба «Оазиса» — навсегда остаться стандартной современной гостиницей средней ценовой категории, интересной только своим прошлым и ничего не обещавшей в будущем. Но случилось иначе.

Мечты иногда сбываются самым неожиданным образом. Очередной поворот колеса истории, очередная «смена собственника», выражаясь тем самым

канцелярским языком, что ненавидел Чехов и высмеивал Щедрин — и вот уже мы наблюдаем за новой вехой в истории отеля «Оазис».

В бывший «Русский пансион» как будто снова вдохнули жизнь. С бережным отношением к прошлому, ища подсказок в старых письмах и фотографиях, отелю вернули его уникальную атмосферу.

И появился портрет Чехова над камином.

И новая хозяйка предлагает гостям те самые блюда, что так любили русские писатели и художники: щи на барашке, борщ, котлеты, пирожки и пельмени.

И литературные и музыкальные вечера стали новой традицией «Оазиса»...

...Что ж, пожалуй, в этом и кроется тайна бывшего «Русского пансиона»: в чистом источнике вдохновения, в желании создавать новое, воплощать мечту, возрождать то лучшее, что казалось утраченным. И потому здесь, как нигде больше, так остро чувствуешь ускользающую красоту мгновений и ту полноту жизни, о которой так хорошо знают писатели, художники и музыканты.

Светлана Метелева

Интерьер отеля